

⁶² Шумигорский Е. Указ. соч. С. 48; Головина В.Н. Мемуары. С. 231.

⁶³ Никитин С.А. Предисловие редактора // Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. С. 12; Шумигорский Е. Указ. соч. С. 48.

⁶⁴ Головина В.Н. Мемуары. С. 267–268.

⁶⁵ Головина посетила мессы в церкви Сен-Сюльпис в Париже, в церкви на кладбище Пикпус, в кафедральном соборе в Праге, побывала в католических капеллах и мавзолеях католических святых в Марбурге и Меце. См.: Головина В.Н. Мемуары. С. 284, 289, 290, 354–356, 364.

⁶⁶ Там же. С. 304, 308–309.

⁶⁷ Там же. С. 364–365.

⁶⁸ Там же. С. 314, 316, 329–330, 333–334, 368.

⁶⁹ Там же. С. 169.

⁷⁰ Записки Ильи Федоровича Тимковского. Стб. 1463.

⁷¹ Головина В.Н. Мемуары. С. 268–269.

⁷² Там же. С. 372.

⁷³ Там же. С. 265.

⁷⁴ Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. С. 342; Головина В.Н. Мемуары. С. 410–411.

⁷⁵ Григорьев С.Л. Религиозные взгляды и религиозная политика Павла I. Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003. С. 82, 137.

© 2010 г. Р. Б. БУТОВА*

ПАЛОМНИЧЕСТВА ЧЛЕНОВ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Система внешнеполитических связей и отношений европейских держав, с неизменно высоким удельным весом династического родства и личного общения монархов, в XIX – начале XX в. постоянно учитывала и использовала семейные и религиозные традиции. Почти любая зарубежная поездка высочайших персон, с «домашними» или «духовными» целями, могла одновременно оказаться и важной политической акцией. Не говорю: только политической, но с большой частотностью *и политической*. Это полностью относится и к актам религиозного паломничества.

С середины XIX в. в активную зону конфликта европейских интересов включается Ближний Восток. Лондонские конвенции 1840–1841 гг. ознаменовали переход от эпохи единоличного покровительства христианскому населению Османской империи со стороны России к так называемому «европейскому концерту». Новые паломнические тропы многочисленных великих и малых правящих домов Старого и Нового света скрещиваются теперь в Иерусалиме, приводя на память европейцам времена королей-крестоносцев (Ричарда Львиное Сердце, Фридриха Барбароссы или Фридриха II Гогенштауфена), русским – древние княжеские хождения дома Рюриковичей: в 1099 г. в освобожденном крестоносцами Иерусалиме окончила свои дни княгиня Гита Гаральдовна, жена Владимира Мономаха¹, в 1167 г. прибыла на богомолье в Святой Град, чтобы умереть и быть похороненной в нем, княжна-подвижница Евфросиния Полоцкая, просветительница Белоруссии².

Очевидным образом, в XIX в. любое из августейших паломничеств в Святую Землю было связано с задачами внешней политики, каждое влекло за собой длинный шлейф политических, экономических и гуманитарных последствий, – то, что академик

---

* Бутова Ритта Борисовна, заместитель Управляющего делами Императорского Православного Палестинского Общества.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект 08-01-00184а).

Ф.И. Успенский назвал когда-то «конкуренцией народов на Ближнем Востоке». Между тем проблема паломничеств членов царской семьи в контексте российской и европейской внешней политики никогда еще не была темой специального исторического исследования.

Потому и историография вопроса довольно скудна. Из дореволюционных публикаций можно назвать лишь несколько статей известного историка А.А. Дмитриевского³, две книги – отчеты о путешествии вел. кн. Николая Николаевича Старшего⁴, воспоминания художника Е.Е. Волкова⁵ (ездившего в Святую Землю с Сергием Александровичем в 1888 г.). В советский период тема не только августейшего, но и вообще паломничества совсем не была представлена в отечественной историографии. Лишь в последние годы она вновь привлекает внимание исследователей. Соответствующие разделы выделены Н.Н. Лисовым в подготовленном им двухтомнике документов⁶ и в его монографии⁷. Одним из интереснейших и все еще практически не востребованных источников являются дневник и переписка начальника Русской Духовной Миссии (далее – РДМ) в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина)⁸. Появляются и отдельные статьи, в той или иной степени затрагивающие рассматриваемую проблему⁹.

Значение и роль главы государства особенно ярко раскрывается в планировании и осуществлении внешней политики, которая в монархической России в концепции и на практике единолично определялась императором. Безудержный централизм российской бюрократии проводился с такой последовательностью, что можно только удивляться, какие третьестепенные и еще менее важные вопросы не «возносились» на высочайшее благоусмотрение. Царь лично просматривал и утверждал штаты и сметы зарубежных представительств, акты, касающиеся создания или преобразования тех или иных российских светских или церковных учреждений, весь дипломатический и консульский персонал, все архитектурные и художественные проекты оформления российских зарубежных церквей. Известны случаи, когда Александр II, например, лично должен был решать вопрос, оплачивать ли за казенный счет дрова для отопления РДМ в Иерусалиме¹⁰. Все хоть сколько-нибудь значащие вопросы представлялись царю во всеподданнейших докладах министра иностранных дел (и обер-прокурора Святейшего Синода, если вопрос касался интересов и компетенции ведомства православного исповедания). Неслучайно в официальное наименование российских посольств и консульств непременно входил титул «императорское».

Забегая вперед, отмечу, что принципиальный подавляющий централизм иногда серьезно мешал развитию русского присутствия за рубежом – и, в частности, на Ближнем Востоке. Так, например, когда в декабре 1848 г. в Бейруте архимандрит Порфирий (Успенский) заговорил с генеральным консулом К.М. Базили о проекте «Палестинского комитета», задуманного «некоторыми витязями Гроба Господня в Петербурге», консул раздраженно ответил: «Господа Норов и Муравьев питают несбыточные желания. Они хотят иметь духовное влияние на Православную Церковь в Палестине, Сирии, во всей Турции, и, даже, в Австрии, посылать туда пособия и своих соглядатаев, духовных или светских, *мимо Министерства иностранных дел* (курсив мой. – Р.Б.). Но это не возможно. ...Система нашего правительства есть система строжайшего единства. Все исходит от Государя и все к нему возвращается, чрез министерства. Притом, есть тайны, которых никто не должен знать кроме Государя и немногих таинников его. Можно ли посвящать в эти тайны Палестинский комитет? Посланцы комитета по своему характеру, по недоразумению, даже по глупости или заносчивости, могут делать неприятности консулам и приводить их в затруднения. Но ведь консулы такие же люди, как и они, следовательно, могут платить им равную монетою. Что же из этого выйдет? Недовольство нашего министерства и комитета и расстройство дела Божия»¹¹.

Сказанное относилось не только к «витязям», но, при случае, и к великим князьям с их неуместными, по мнению МИД, инициативами. В 1857 г. генерал-адмирал, вел. кн. Константин Николаевич хотел основать в Севастополе Восточную Академию, слушатели которой должны были изучать восточные языки и после выпуска служить в странах Леванта агентами Российского общества пароходства и торговли (далее – РОПИТ).

Кн. А.М. Горчаков, однако, решительно воспротивился, «поставив на вид Государю, что агенты Его Высочества, независимые от нашего МИД, могут затруднять наших посланников и консулов на Востоке»¹². В своих паломнических и иных дипломатических поездках великие князья, даже ближайшие родственники самодержца, имели гораздо меньше самостоятельности и полномочий, чем любой посланник или «полномочный министр». Маршруты, протоколы и содержание встреч и переговоров планировались и готовились МИД и соответствующим посольством.

И все же на Востоке, по условиям местного менталитета, паломничества членов правящих домов к святым местам традиционно были одной из наиболее эффективных форм дипломатии. А во второй половине XIX – начале XX в. с развитием техники и комфорта, организацией новых паромных линий, железных дорог, гостиничного бизнеса, появлением телефона и телеграфа, подобные дальние путешествия стали и для самых требовательных и высокопоставленных персон простым и приятным делом. Не пытаясь дать полный список всех «высоких» гостей Иерусалима, назову лишь наиболее известных.

В 1853 г. Иерусалим посетил наследник бельгийского престола принц Брабантский Леопольд, будущий покоритель Конго; летом 1855 г. – младший брат австрийского императора Франца-Иосифа принц Максимилиан, будущий император Мексики; весной, на Пасху 1862 г. – принц Уэльский, будущий английский король Эдуард VII¹³. В 1869 г., по пути на торжества в связи с открытием Суэцкого канала, в Иерусалим, с разницей в несколько дней, прибыли австрийский император Франц-Иосиф¹⁴ и прусский кронпринц Фридрих-Вильгельм, впоследствии германский император Фридрих III¹⁵. В 1876 г. палестинским святыням поклонялся император Бразилии Педру II¹⁶. К 1881 г. относится приезд австрийского эрцгерцога Рудольфа¹⁷. На Пасху 1883 г. в Иерусалиме был князь Болгарский Александр I, в 1887 г. – принц Неапольский, будущий итальянский король Виктор-Эммануил III¹⁸. Наконец, в 1898 г. Святая Земля встречала германского кайзера Вильгельма II¹⁹, а в 1910 г. – его сына, кронпринца Эйтеля-Фридриха²⁰.

Россия в этом отношении не отставала от Европы. Реальное русское присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке начинается с первого из августейших паломничеств (1859 г.) и на протяжении всего своего развития (до 1914 г.) неразрывно с ними связано. Большое значение в истории русских великокняжеских паломничеств, как, впрочем, и в паломничествах западноевропейских правящих домов, несомненно, имели личные религиозные убеждения. Когда император Александр II, создавая Палестинский комитет в 1859 г., сказал: «C'est une question de coeur pour Moi». – «Это для меня вопрос сердца» (*франц.*)²¹, – он выразил общее отношение Романовых к Святой Земле.

Первым русским августейшим паломником в Святую Землю должен был стать, по некоторым сведениям, император Николай I. Во всяком случае, основатель РДМ архимандрит Порфирий (Успенский) по прибытии в Иерусалим в феврале 1848 г. конфиденциально сообщил Патриарху Кириллу II, что «Государь Император Николай Павлович намеревается быть в Иерусалиме в следующем году, о чем я слышал от любимой дочери его, великой княжны Марии Николаевны, и просил его (Патриарха) никому не говорить об этом»²². Возможно, это был лишь нарочитый дипломатический «слух». Но в целом «иерусалимский сюжет» не стоит особняком в контексте религиозно-политических акций Николая Павловича: посещение им Рима и Римского папы в 1845 г.²³, возникшая, очевидно, тогда же идея о возвращении (при условии дальнейшего «потепления» в отношениях с папой) мощей Николая Чудотворца из Бари в Миры Ликийские²⁴, где, в свою очередь, надлежало воздвигнуть русский храм на развалинах древней базилики²⁵, наконец, ультиматум 1853 г. с последовавшей Крымской войной в защиту погранных прав Иерусалимской Православной Церкви²⁶.

Особенно важен римский эпизод. Зимой 1845–1846 гг. врачи прописали императрице Александре Федоровне провести на Сицилии. В ноябре 1845 г. Николай Павлович сопровождал супругу в Палермо. На обратном пути пять дней, с 1 по 5 декабря, он провел в Риме. Как сообщал русский посланник при Ватикане А.П. Бутенев, «в самый

день приезда император посетил папу Григория XVI. Их беседа продолжалась более часу и отличалась в высокой степени взаимным прямотушием и благосклонностью. Это незабвенное свидание, единственное в летописях Ватикана, произвело сильное впечатление на присутствовавших, возбудило чрезвычайное внимание всего города и займет важное место в истории»²⁷. В день отъезда, 5 декабря, Николай I вновь был у первосвященника и «святой отец на прощание дал лобзание мира императору при всем благородном собрании»²⁸.

Разумеется, царь использовал предоставленные ему судьбой «римские каникулы» также и для осмотра священных достопримечательностей. В качестве религиозно-исторической кульминации всей поездки современники выделяли посещение царем собора Святого Петра. Так, Ф.И. Тютчев заканчивает свою статью «Папство и римский вопрос», напечатанную по-французски в 1849 г. и представлявшую собой одну из глав задуманного большого трактата «Россия и Запад», взволнованным воспоминанием о молитве Николая I в главном соборе католической церкви: «В Риме, вероятно, еще памятно то всеобщее душевное волнение, с каким было встречено его появление в храме Святого Петра – Православного Императора, возвратившегося в Рим после стольких веков отсутствия; памятен электрический трепет, пробежавший по толпе, когда он подошел помолиться у гроба апостолов. Это волнение было законно. Коленопреклоненный царь был не один: вся Россия была там, склоняя колена с ним вместе»²⁹.

Паломничество императора в Иерусалим в 1849 г. не состоялось и состояться не могло. Правда, в конце 1840-х – начале 1850-х гг. не один Тютчев, многие верили в наступление почти апокалиптических перемен, связывая неумеренные надежды с именем императора Николая. «И своды древние Софии / В возобновленной Византии / Вновь осенят Христов алтарь», – предсказывал Федор Иванович. И словно откликаясь, архимандрит Порфирий в одном из писем из Иерусалима пророчествовал: «Образ мира сего преходит. Господь Саваоф сотрясает землю и живущих на ней. На Синае, Сионе и Афоне чают весьма близкого *торжества православия* в Святой Софии»³⁰.

Но российский самодержец находился совсем в другом положении в отношении принадлежавшей исламской Турции Святой Земли, чем его европейские коллеги. С одной стороны, Россия в течение XVIII–XIX вв. почти непрерывно находилась в состоянии войны с Османской империей, притом, что австрийцы не воевали с Турцией со времен Екатерины Великой и Иосифа II, немцы не воевали вообще никогда. Да и поездки австрийского императора и прусского короля относятся к более позднему, исторически иному времени. С другой стороны, ментально, существовало твердое убеждение, что «белый», православный царь, преемник византийских василевсов, не может ехать на «басурманский» Восток иначе как в качестве его освободителя, ведь Российская империя выступала покровителем и гарантом всех православных подданных султана – славян, греков, армян, арабов. Для русского дипломатического ведомства это был тупик.

Так продолжалось до тех пор, пока, при новом уже царствовании, после Крымской войны, в Палестину не «прорвался» генерал-адмирал, глава военно-морского ведомства, находившийся с отрядом кораблей в Средиземном море вел. кн. Константин Николаевич – второй августейший паломник в Иерусалиме из царственных лиц православного вероисповедания после византийского императора Ираклия и первый из царствующего рода Романовых. Человек яркий и даровитый, один из вдохновителей и организаторов реформ 1860-х гг., всю свою жизнь посвятивший реорганизации российского флота, великий князь оставил большой след и в истории русско-ближневосточных отношений. Его визит в Иерусалим как нельзя лучше вписался в общую программу организации русского присутствия в Святой Земле, справедливо оцениваемого как своеобразный мирный реванш за неблагоприятные для России условия Парижского трактата. В 1856 г. создается РОПИТ, в том числе занимавшееся перевозкой русских паломников из Одессы в Яффу; в 1857 г. возобновляется деятельность РДМ в Иерусалиме, причем статус ее, по настоянию МИД, был повышен – во главе Миссии ставится епископ; в 1858 г. в Иерусалиме возникает русское консульство (с 1891 г. – Генеральное консульство).

24 апреля 1859 г. вел. кн. Константин Николаевич с супругой Александрой Иосифовной и сыном-первенцем Николаем на паровом фрегате «Палкан»³¹ отплыли из Афин к берегам Палестины. Как отметил великий князь в письме к императору, это была не первая его попытка паломничества к святым местам: «Три раза являлась эта надежда, в 1845, когда я был в Архипелаге, в 1846 в Палермо и в 1852 в Венеции, и три раза мне в том отказывали»³². Автор письма называет и причину отказов: «Тогда нашей политикой управлял Нессельроде, который боялся как чумы всего, что касалось Востока. Кажется, что теперь времена другие и что мы можем действовать откровенно, не боясь кривых толков Европы»³³.

28 апреля гости высадились на берег в Яффе и через два дня торжественно были встречены Патриархом Иерусалимским Кириллом «при громадном стечении народа» в храме Гроба Господня (Воскресения Христова)³⁴. От Яффы их сопровождал эскорт в 600 человек – моряков русской эскадры, а при въезде в Иерусалим эскорт составлял уже 2 тыс. всадников. Вел. кн. Александра Иосифовна так описывала вступление в Святой Град: «Из глубины души моей я благодарила Бога, что Он удостоил меня, несмотря на все трудности, достигнуть Иерусалима и Святой Земли! Муж мой плакал как ребенок. Наша эскорта удерживала теснившийся народ, который мог бы нас раздавить; лошади наши пугались; звуки флейт, труб и гром выстрелов раздавались по воздуху. У Яффских ворот мы сошли с лошадей и шли по пути, усеянному розами и, по здешнему обычаю, поливаемому кофеем; женщины в покрывалах видны были толпами на всех стенах и террасах и бросали на нас цветы. Наша эскорта не могла ни на минуту отстраниться от нас, иначе б теснящийся народ оторвал бы ее от нас. Свита наша могла с большим трудом за нами следовать»³⁵.

Семью великого князя поселили в Патриархии, в так называемом Миссийском или «Порфириевском» доме³⁶. За 10 дней пребывания они осмотрели в Иерусалиме: храм Воскресения Христова, Крестный путь, базилику св. Анны, подаренную султаном Наполеону III, место Рождества Богородицы, Иосафатову долину, Гефсиманию с Гробницей Богородицы («чудное впечатление, молитва и слезы»), – отмечал в своем дневнике великий князь), Гефсиманский сад, место Вознесения на Елеоне («чудный обширный вид сверху и даже Мертвое море»). В программу входило посещение англиканской и армянской церквей, горницы Тайной Вечери на Сионе, башни Давида, Силоамского источника. 4 мая съездили в монастырь св. Саввы Освященного («очень удачно, но там жестоко жарко»), 5 мая – «осматривали Омарову мечеть со всеми принадлежностями, Эль-Аксу, подземелье и Золотые ворота», 6 мая – «чудная поездка в Вифлеем, там все христиане». В следующие дни была поездка в Вифанию, Крестный монастырь («где школа, учрежденная Патриархом для греков и арабов»). Для великого князя неоднократно совершались богослужения. В дневнике Константина Николаевича отмечаются русская архиерейская обедня на Голгофе (2 мая), патриаршая обедня (3 мая) в приделе Ангела у Гроба Господня («ужасное пение мне мешает молиться, так что далеко не то впечатление, что вчера на Голгофе»), патриаршая обедня в Вифлееме (6 мая) с последующим молебном в Вертепе Рождества («Рождественские и детские чувства»), большая патриаршая обедня с панихидой (7 мая) в храме Воскресения, ночная русская обедня (8 мая) на самом Гробе Господнем, русская архиерейская обедня (9 мая) в «гефсиманском вертепе, у гроба Богоматери» и, наконец, напутственный молебен – «прощание с Гробом Господним и Голгофой» («ужасно плакали, оторваться не могли»)». Александра Иосифовна подчеркивала, что во всех богослужениях их поминали «как поклонников Святого Гроба»³⁸.

Богомолью сопутствовало исполнение дипломатических обязанностей. Прежде всего, речь шла об укреплении отношений с греческим Иерусалимским Патриархатом. С первого дня, когда Патриарх Кирилл торжественно встречал высоких гостей, Константин Николаевич постоянно общался с Предстоятелем. «1 мая, – отмечал великий князь. – Визит Патриарха у меня и мой к нему. Отдал ему именем Саши (императора Александра II. – *Р.Б.*) крест. 3 мая. Патриарх подарил нам частицы Честного Древа – для меня, жены, Николы и Костюшки. 6 мая. Разговор с Патриархом. 7 мая – вечером

у нас большой обед для Патриарха нашего (греческого. – Р.Б.) и Армянского. 8 мая. Патриарх позвал нас в алтарь, и сам при нас отрезал и дал нам частицы мошей. ...Патриарх сам принес и подарил мне превосходную модель Кувуклии и камни от Гроба Господня и от Голгофы, и бездну образов, крестов и четок. 9 мая. Ходили прощаться с Патриархом. ...Парадные проводы»³⁹.

Не были забыты и другие влиятельные персоны многоязычного Иерусалима. 5 мая великий князь встречался с губернатором Иерусалима Сурейя-Пашой, которому вручил от имени императора орден Станислава и «имел с ним длинный разговор». После осмотра мусульманских святынь Храмовой горы – «трубка и кофе у Паши». 7 мая состоялась важная беседа с французским консулом Э. де Баррером о «neutralisation de la Courole» (нейтрализации купола. – *франц.*), положившая начало так называемому «Делу о куполе», т.е. о ремонте купола Ротонды храма Гроба Господня, пострадавшего после землетрясения 1834 г. В 1862 г. в Константинополе было подписано русско-французское соглашение о паритетном финансировании ремонта, который начался в 1865 г. по совместному проекту русского архитектора М.И. Эппингера и французского К. Маусса. Реконструкция купола была завершена в 1869 г. Великий князь упоминает в своем дневнике и известных деятелей «кинославных пропаганд», как тогда говорилось, определявших межконфессиональные отношения в Палестине в течение многих лет – англиканского епископа Самуила Гобата⁴⁰ и латинского патриарха Иосифа Валергу⁴¹.

Но одной из важнейших, хотя и не обозначенных впрямую в письмах и в дневнике великого князя, целью приезда в Иерусалим было решение вопросов, связанных с приобретением Россией участков земли для возведения собственного комплекса, который объединил бы здание консульства, Духовной Миссии с храмом, паломнических подворий и больницы. Новые идеи, с которыми приехал Константин Николаевич и которые призваны были компенсировать проигрыши и уступки несельеродовской внешней политики, состояли, «в духе времени, в формировании сферы *собственных интересов* в Святой Земле и, значит, *собственного плацдарма проникновения*»⁴². Удобным и перспективным орудием для этого являлась исторически интенсивная и легко поддающаяся активизации стихия русского паломничества. Поставить его на поток, сделать даже если не экономически выгодным, то в известной степени самокупаемым, а для этого создать соответствующую инфраструктуру в Палестине и обслуживающую ее транспортно-коммуникационную систему на Черном и Средиземном морях – таковы были требования момента.

«Во исполнение Высочайшей воли, великий князь входил *лично* во все подробности вопроса о покупке участка земли для постройки наших богоугодных заведений»⁴³. Он осмотрел и одобрил первые российские приобретения в Иерусалиме: «2 мая. Утром ездил смотреть купленные нами места у самых городских стен. Очень хорошо выбраны. 5 мая. Утром осматривал место, купленное для нашего консульства. Прекрасно выбрано подле самого Храма»⁴⁴. На первом из названных участков будут возведены со временем так называемые Русские Постройки – самая крупная недвижимость России в Палестине. Часть земли, которая составляла общественную загородную площадь (Мейдан), была подарена султаном Константину Николаевичу в память о его приезде в Иерусалим. На втором участке, близ храма Воскресения Христова в Старом Городе, консульство не было построено: обнаруженные там археологические находки потребовали в дальнейшем серьезных исследований. Именно здесь раскопки архимандрита Антонина (Капустина) открыли Порог Судных Врат, через которые Спаситель шел на Голгофу. В настоящее время на этом месте расположено Александровское подворье Императорского Православного Палестинского Общества, с храмом во имя святого Александра Невского (освящен в 1896 г.)⁴⁵.

Великий князь и в последующие годы не выпустил из своих рук «иерусалимского проекта» – несмотря на то, что «князь Горчаков не слишком был к нему расположен, боясь, чтоб из этого не вышло какой-нибудь путаницы на Востоке». Только благодаря личной поддержке императора и императрицы Марии Александровны, которая близко к сердцу приняла замысел Русской Палестины, великому князю удалось создать Пале-

стинский комитет и осуществить задуманное. «Единственно Ты, Мой дорогой Саша, – писал Константин Николаевич императору Александру II, – и Твоя милая Мария, Вы с самого начала показали этому делу горячее сочувствие и решительно спасли его»⁴⁶.

Другой задачей, предписанной высочайшей волей Константину Николаевичу, было умиротворение конфликтов и нестроений между РДМ и консульством. «По отношению к начальнику Духовной Миссии епископу Кириллу великий князь был во все время своего пребывания в Иерусалиме в высшей степени любезен и внимателен, передав ему две Высочайше пожалованные награды – драгоценную панагию и орден св. Анны 1-й степени. О размолвках между начальником Миссии и г. Доргобужинным⁴⁷ не велось в присутствии великого князя никакой речи. При отъезде своем из Иерусалима великий князь Константин Николаевич даже порекомендовал “ничего не делать без соглашения” с начальником Миссии»⁴⁸.

Между тем конфликт двух русских представительств в Иерусалиме был отражением серьезнейшей борьбы групп и кланов сановного Петербурга, восходившей до самого престола. Проект Палестинского комитета, о котором А.Н. Муравьев с А.С. Норовым пытались впервые говорить еще в 1848 г., активно обсуждался в 1856–1857 гг., т.е. за два года до приезда Константина Николаевича в Иерусалим. У императрицы Марии Александровны была своя концепция женского Благотворительного комитета, который занимался бы поиском и сбором средств и пожертвований для РДМ в Иерусалиме, притом, что именно Миссия должна была оставаться главным и единственным «штабом» русской работы в Святой Земле⁴⁹. Поддержав инициативу Константина Николаевича, императрица не отказалась и от своего замысла. И если сторонники и сотрудники великого князя сделали в своем проекте главный упор на светские, более деловые и энергичные, структуры и исполнителей, Мария Александровна на протяжении двух десятилетий постоянно оказывала из своих источников финансовую помощь Духовной Миссии и русской школе в Бет-Джале⁵⁰.

11 мая 1859 г. вел. кн. Константин Николаевич отбыл из Яффы в Константинополь, откуда вернулся в Россию. Внимание великокняжеской четы к проблемам Святой Земли сохранялось и в последующее время. Константин Николаевич и Александра Иосифовна пожертвовали крупные суммы на украшение греческого храма Преображения на Фаворе, на царские врата русского Троицкого собора⁵¹. Они высказывали также желание и готовы были предоставить средства для возведения церкви на Поле пастушков в Бет-Сахуре, близ Вифлеема (постройка не состоялась из-за противодействия французской дипломатии)⁵². Последней услугой, которую оказал Константин Николаевич русскому делу на Востоке, было его содействие в 1879–1882 гг. В.Н. Хитрово в создании Православного Палестинского Общества⁵³.

Таким образом, несмотря на то что Крымская война закончилась для России поражением, августейшее паломничество 1859 г. помогло российским дипломатам переломить ситуацию. Парижский мир не только не отразился на проблеме русского присутствия на Ближнем Востоке, но даже напротив. Если до начала войны Россия преимущественно защищала здесь интересы местного православного населения, то отныне – и это новый существенный поворот в развитии российской внешнеполитической доктрины – речь идет о защите собственных русских интересов: Россия приобретает здесь земельную собственность, строит на приобретенных участках храмы и подворья. Словом, у Российской империи отныне появляются в Иерусалиме и на Ближнем Востоке *свои державные интересы*⁵⁴.

В октябре 1872 г. Святую Землю посетил в ходе длительной ознакомительной поездки по Турции и Ближнему Востоку другой брат царя – вел. кн. Николай Николаевич Старший, будущий герой освободительной русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Особенностью паломничества было то, что в сопровождении кавалерийской свиты великий князь проскакал верхом сотни километров от Бейрута до Дамаска и от Дамаска через Галилею, Фавор, Назарет, долину Иордана до Иерихона и затем до Иерусалима и Яффы. Великого князя сопровождали герцог Евгений Максимилианович Лейхтенбергский и принцы Александр и Константин Петровичи Ольденбургские.

Это было время, когда велась политическая и штабная подготовка к новой русско-турецкой войне. Конечно, никто не предполагал всерьез, что одним из театров военных действий, даже при самом благоприятном развитии событий на закавказском направлении, могут стать Сирия и Палестина. Правда, В.Н. Хитрово в книге «Неделя в Палестине» писал: «Могут спросить, какой интерес может иметь Россия в Палестине, кроме надзора за своими поклонниками? Относительно духовных интересов укажу только на то, что сотни изданий о Палестине, появляющиеся ежегодно в западной литературе, доказывают, что эти интересы в образованном мире существуют. Относительно уже политических интересов я тоже укажу только, что мы – естественные наследники греков везде, где существует православие, *что бить турок можно не на одном Дунае, не одну поддержку православных славян, но и на Евфрате и прибрежьях Средиземного моря, опираясь на православное арабское население. Через Грузию и Армению мы почти соприкасаемся с Палестиной и охватываем Малую Азию.* Не на Гиндукуше или Гималаях произойдет борьба за преобладание в Азии, а на долинах Евфрата и в ущельях Ливанских гор, где всегда оканчивалась мировая борьба о судьбе Азии»⁵⁵. Гораздо позже, уже в годы Первой мировой войны, митрополит Антоний (Храповицкий) выступил с довольно неожиданным проектом о «возрождении в Константинополе греческой православной державы, о чем мечтали многие русские деятели и мыслители, от Екатерины II до Ф.И. Тютчева и Ф.М. Достоевского, и одновременно – о чем не мечтал до Владыки Антония, пожалуй, ни один политик или историк – присоединения к России исторических территорий Сирии и Палестины»⁵⁶.

Так или иначе, в рекогносцировочной поездке будущего балканского главнокомандующего сопровождали офицеры Генеральной штаба, так что даже полусветский отчет Д.А. Скалона удивляет точными топографическими и этнографическими указаниями. Для встречи великого князя на север Палестины специально выехал 82-летний Патриарх Иерусалимский Кирилл («против которого восстала вся греческая иерархия за то, что он не подписал отлучение Болгарской Церкви») – «седой как лунь коренастый старец, среднего роста, с орлиным носом, добродушной улыбкой и быстрым взглядом серых глаз, еще полных энергии и выражения»⁵⁷. Когда великий князь спускался с горы Фавор, его провожали колокольным звоном, а в Назарете, у православной церкви Архангела Гавриила, «греческое духовенство встретило великого князя с крестом и хоругвями, а жители приветствовали криками и выстрелами»⁵⁸. Некоторые записи в дорожном журнале Д.А. Скалона поражают своей непосредственностью: «В Дженине мы неожиданно нашли капусту. Его высочество с (генералом. – Р.Б.) Д.И. Скобелевым лично занялись варкой ленивых щей и картофельного соуса. Когда спала жара и наступили сумерки мы сели в кружок и стали петь хоровые песни»⁵⁹.

По выходе из Наблуса, где великому князю представлялся старейшина самарянской общины, его встречали русский консул в Иерусалиме В.Ф. Кожевников⁶⁰ и начальник РДМ архимандрит Антонин (Капустин), дневник которого является незаменимым источником по истории августейших паломничеств. Антонин впервые встречал в Палестине гостя такого ранга. К его собственному удивлению отношения с самого начала сложились самые дружественные. Вот несколько свидетельств из дневника: «Воскресенье, 22 октября. Возвратясь в лагерь, мы нашли там Патриарха. Вскоре я занял место переводчика между ним и великим князем. Бесшабашная простота обращения последнего с первым перешла и на меня. Такая же простота обращения Патриарха со мною и моя с Патриархом пришлась, видимо, по сердцу его высочеству. Слушая мой бесприкрасный перевод речей патриарших, он хохотал, весело смотря мне прямо в глаза и даже раз трепнул меня по плечу в избытке русапетизма. Экий великолепный человек! Все пошло отселе как по маслу». Вечером того же дня: «Я попятился и стал на заднем плане, дичась как бы предстоявшей чести. Меня отыскали, и великий князь усадил “батюшку” возле себя с левой стороны. Целый ужин он все мне засматривал в глаза, указывая на свои загорелые руки, рекомендовал себя искусником варить щи. Прощаясь, великий князь от всего сердца желал мне “всякого успеха во всяком моем деле”»⁶¹.

Отсюда шел прямой путь в Иерусалим, но Николай Николаевич решил сначала посетить Иордан и Мертвое море, искупавшись в котором, паломники проехали к месту Крещения Господня на Иордане, где «был сделан от берега помост из свежего хвороста и Патриарх Кирилл совершил с него службу Богоявления Господня»⁶².

У источника Апостолов, перед Вифанией, великого князя встретили военные и гражданские власти Иерусалима и начался торжественный въезд в город. Кавалькаду сопровождали консульские кавасы с кривыми саблями и огромными булавами. «Весь спуск с Елеонской горы в долину Иосафата, дорога до Золотых Ворот и до ворот Св. Стефана, стены и башни города, все было занято войсками и народом, вышедшим на встречу великого князя, и все залито ярким светом полуденного солнца. ... Торжественно было наше шествие. Кажется, все разноплеменное мужское и женское население города вышло навстречу. Тут были турки, греки, армяне, арабы, бедуины, евреи, абиссинцы, копты и пр.»⁶³.

В Иерусалиме вел. кн. Николай Николаевич провел пять дней (с 26 по 30 октября). За годы, прошедшие после приезда его старшего брата, за городскими стенами, у Яффской дороги возник целый русский город – Русские Постройки, о которых местные жители слагали легенды: «Русский царь купил у султана большой участок земли на удалении 30 локтей от города и построил большую стену, и выстроил внутри и снаружи большие дворцы и башни, и украсил их орнаментом, и устроил храмы и купальни. И никто не может оценить богатство строения, а трудилось на нем 1 500 ремесленников. И зовется город Новый Иерусалим, и посылает царь людей своей веры жить в нем»⁶⁴. Так что жил Николай Николаевич не у греков, а в своем, российском, консульстве.

28 октября 1872 г. великий князь присутствовал при освящении Троицкого собора, строительство которого было закончено еще в 1864 г., но отделка внутреннего убранства все оттягивалась за недостатком средств. В Иерусалиме каждый год «ждали, что к празднику Троицы последует освящение иерусалимского Троицкого собора русского»⁶⁵. Думали об этом и в Петербурге. Председатель Палестинского комитета вел. кн. Константин Николаевич считал, что «несовместимо с достоинством России и несогласно с волею Государя Императора оставлять недоконченным храм, построенный русским правительством на пожертвования всего православного русского народа»⁶⁶. И вот, наконец, долгожданное освящение храма совершилось. Его провел Патриарх Кирилл «со всем собором греческого и нашего духовенства»⁶⁷. Архимандрит Антонин так описывал церемонию в своем дневнике: «Святые мощи положили в углубление Константиновской капители⁶⁸ и задвинули его престольною доскою на веки. В это время пожаловали в храм и прямо в алтарь Их Высочества. К 10 часам храм был освящен. Божественная литургия дотянулась до полудня. Великий князь и герцог, оба в мундирах и в андреевских лентах, достояли ее до конца. Не раз они засылали к нам в алтарь с просьбою не петь ничего по-гречески. Но это, очевидно, было невозможно»⁶⁹.

Наибольшее впечатление произвел Антонин на великого князя при посещении русского участка на Елеоне. «Церковь была тут? – спрашивает он. – Нет, церковь была на другом месте. Там много отыскивается золотой мозаики, что неоспоримо говорит о бывшей церкви. – Купить его поскорее, – тихонько замечает собеседник. – Уже куплено давно, – отвечаю я. – О! да вы...»⁷⁰.

Важной стороной поездки было оказание моральной поддержки Патриарху Кириллу в связи с так называемой болгарской схизмой. Многолетняя борьба болгарского православного духовенства за самостоятельность своей Церкви, зависевшей от Константинопольской Патриархии, закончилась провозглашением в 1872 г. автокефального Болгарского экзархата. В ответ в Константинополе был созван Собор с участием представителей Александрийской, Антиохийской и других Поместных Церквей, на котором греческие иерархи приняли решение об отлучении болгар от Церкви. Иерусалимский Патриарх Кирилл II был единственным, кто не подписался под соборным определением. Русская Церковь формально уклонилась от прямого вмешательства как в болгарский, так и в иерусалимский вопрос, но российская дипломатия поддерживала Кирилла и православных арабов, выступавших в его защиту.

Правда, серьезного разговора не получилось. Противники Кирилла в Святогробском братстве, получившие поддержку турецких властей, достаточно категорично отклонили русское посредничество. Отец Антонин, служивший переводчиком во время представления Патриархом членов Синода великому князю, писал: «Сказав, что ему поручено Государем передать благодарность (Патриарху) за его поведение в болгарском деле, великий князь высказал сожаление о том, что между Патриархом и Синодом существует разногласие. (Архиепископ. – *Р.Б.*) Газский прервал его, сказав, что было бы здоровье, дело уладится»⁷¹. Через месяц после отъезда Николая Николаевича из Иерусалима «дело уладилось» самым неблагоприятным для русской дипломатии образом – Патриарх был низложен своим Синодом, а архиепископ Газский Прокопий занял его место.

Паломничество вел. кн. Николая Николаевича Старшего, хотя и не ставило перед собой собственно дипломатических задач, имело большое значение для русского присутствия в Святой Земле. С освящением Троицкого собора была поставлена точка в процессе строительства величественных Русских Построек; паломники из России могли отныне слушать богослужение на привычном церковнославянском языке; Духовная Миссия получила возможность приглашать на праздничные службы Патриарха, что повысило статус русской общины; поступавшие пожертвования способствовали улучшению финансового состояния РДМ.

По возвращении в Петербург вел. кн. Николай Николаевич устроил в своем дворце домовую церковь, которая была спроектирована как «пещерный храм» Гроба Господня – в память паломничества в Иерусалим, для хранения святынь, полученных им в благословение от Патриарха Иерусалимского Кирилла (архитектор Ф.С. Харламов, 1872 г.). Знаменательно, что именно во дворце великого князя, 21 мая 1882 г., после молебна в присутствии членов императорской фамилии, русского и греческого духовенства, ученых и дипломатов, состоялось торжественное открытие Православного Палестинского Общества.

Но ни одно из августейших паломничеств не имело такого значения для истории русского присутствия как приезд в Святую Землю великих князей Сергия и Павла Александровичей с их двоюродным братом, вел. кн. Константином Константиновичем (впоследствии известным поэтом К.Р., президентом Академии наук) 21–31 мая 1881 г.

Первоначально поездка планировалась как частная и исключительно религиозная. Непосредственным поводом для нее стали трагические утраты в царской семье: кончина императрицы Марии Александровны и убийство Александра II. Неизвестно, кто подсказал им мысль о поминальном паломничестве. Видимо, идея возникла спонтанно: императрица Мария неоднократно говорила о своем желании поклониться святыням Палестины. Похоже, наиболее близки к осуществлению были эти планы в 1870–1871 гг., о чем свидетельствует переписка архимандрита Антонина и бывшего министра путей сообщения П.П. Мельникова. Так, например, в своем письме от 10 октября 1870 г. Мельников писал Антонину: «Мне в особенности жалко будет, ежели Вас не будет в Иерусалиме, в случае приезда туда нашей доброй Государыни, а она имеет сильное желание предпринять это путешествие и уже почти решено было исполнить его нынешнею осенью, выездом около октября из Крыма, но политические обстоятельства помешали и вынудили не отменить, а отложить это предположение. Ежели, как я надеюсь, это приведется в исполнение будущею осенью, то, конечно, Императрице было бы весьма приятно, чтобы именно Вы ее там встретили и сопровождали; во-первых, потому, что она весьма предупреджена в Вашу пользу, а во-вторых, что никто не познакомит ее так обстоятельно и так сердечно со всеми святынями иерусалимскими»⁷². И полгода спустя: «Государыня продолжает желать пламенно этого поклонения и я стараюсь поддерживать ее в этом благом намерении; но тут примешивается множество соображений и финансовых и дипломатических и самого состояния здоровья, которые, ежели ни то, так другое, послужит помехою»⁷³.

Несмотря на то, что поездка не состоялась, Мария Александровна всегда оставалась покровительницей и благодетельницей русских учреждений в Палестине.

Сохранившиеся памятники ее заботы и благочестия – Русская больница в Иерусалиме, построенная начальником РДМ епископом Кириллом (Наумовым) на предоставленные ею деньги, и Русская школа для арабских девочек в Бет-Джале, преобразованная впоследствии в женскую учительскую семинарию ИППО⁷⁴.

Императрица умерла 22 мая 1880 г. после долгой мучительной болезни и в тяжелом духовном и психологическом состоянии. Многолетнее существование второй семьи Александра II, трое внебрачных детей, – самым болезненным образом сказались не только на состоянии умиравшей от чахотки императрицы, но и на нравственном авторитете царя в собственной семье и в обществе, на престиже императорской власти в России. В царевый день 1 марта 1881 г. многие видели кару за нарушение седьмой заповеди. Тем более факт венчания царя со второй женой прежде, чем окончился срок траура по императрице Марии Александровне, был для его сыновей, особенно для младших, любимцев матери, жестоким, непоправимым оскорблением. Так или иначе, поездка была приурочена к годовщине со дня кончины императрицы – августейшие паломники ступили на пристань Яффы 20 мая и молились об упокоении ее души в храме Гроба Господня в канун годовщины, 21 мая. Как рассказывал в своей корреспонденции «Из Иерусалима» архимандрит Антонин: «Трое великих князей русских утешали Святую Землю своим присутствием 10 дней. С первого же раза всем было ясно, что посещение ими Палестины имело исключительно поклоннический характер. В первый же день своего пребывания здесь, Их Высочества посетили Елеонскую гору, так как это был вместе и праздник Вознесения Господня, а ночь того дня провели у Гроба Господня, слушая заупокойную службу по блаженной памяти Государыне Императрице Марии Александровне, по случаю ее годовщины. Затем еще три раза они собирались на ночное богослужение в храме Воскресения, да раз присутствовали (в воскресенье 24-го мая) при торжественном патриаршем богослужении там же. Даже в день выезда своего (30-го мая) из Иерусалима они еще слушали ранним утром божественную литургию на Голгофе. Успели за то же время побывать в Вифлееме, в Горнем граде Иудове и на Иордане»⁷⁵.

При этом, разумеется, был соблюден подобающий дипломатический протокол: сопровождать русских князей султан назначил своего флигель-адъютанта Риза-пашу и губернатора Иерусалима Реуф-пашу, посол России в Константинополе – первого советника посольства М.К. Ону, Патриарх Иерофей направил своих представителей – митрополита Иорданского для торжественной встречи в Яффе и митрополита Севастийского для приветствия при выезде в Иерусалим, а сам встречал в дверях храма Гроба Господня. Император Александр III, со своей стороны, утвердил орденские награды Патриарху и обоим пашам.

«Исключая поездки на Иордан, – писал Антонин (Капустин), – Их Высочества все время жили и ночевали внутри Построек наших, где разбито было при этом случае и несколько палаток под русскими и турецкими флагами. Вообще, это был настоящий русский праздник в Святой Земле, которого память надолго останется между жителями края»⁷⁶. Паломничество великих князей в Святую Землю имело огромное значение для последующего развития Русской Палестины. Был установлен плодотворный контакт с начальником РДМ в Иерусалиме архимандритом Антонином. Большой фрагмент дневника Антонина, с репортажной точностью воспроизводящего подробности пребывания великих князей в Иерусалиме, был использован даже сотрудниками российского МИД в качестве официального отчета о поездке⁷⁷. Между тем для самого Антонина это был один из самых сложных периодов пребывания в Палестине. Как и во время приезда Константина Николаевича, в 1881 г. конфликт между консульством и Миссией находился в самом разгаре.

Руководство русскими учреждениями в Иерусалиме осуществлялось параллельно и не всегда согласованно двумя различными ведомствами – Министерством иностранных дел и Святейшим Синодом. Возведение Русских Построек для нужд паломников, в том числе, собственно церковных объектов – Троицкого собора и здания РДМ с домовою церковью во имя царицы-мученицы Александры – осуществлялось надправитель-

ственным Палестинским комитетом, т.е. без участия и контроля со стороны Духовной Миссии и Синода, хотя финансировался проект наполовину за счет церковного «Вербного» сбора. По завершении строительства управление всем паломническим делом было поручено не РДМ и не Синоду, а сменившей Палестинский комитет Палестинской комиссии при Азиатском департаменте МИД. В 1879 г. консул Н.А. Иларионов ставит вопрос о закрытии Миссии. Как писал А.А. Дмитриевский, «решено было иерусалимского консула наградить званием “генерального” и при нем, вместо Миссии, для удовлетворения духовных потребностей наших паломников иметь простого иеромонаха. С таким ходатайством Палестинская комиссия обратилась в Святейший Синод, и дело о закрытии Миссии восходило даже на благовоззрение Государя Императора»⁷⁸.

Антонин сполна воспользовался возможностями личного доверительного общения. «Отозвав Сергея Александровича в сторону, – пишет он, – я дерзнул молить его не давать мне креста с бриллиантами, а лучше сделать по-прежнему *блестящею* всю нашу Миссию, и прежде всего, добиться уничтожения царского декрета о закрытии Миссии». Для полной уверенности, начальник РДМ спешно написал и подал «великую просьбу о малом деле» вел. кн. Константину Константиновичу, которую вручил уже на борту фрегата «Герцог Эдинбургский». Ходатайство возымело действие, и никогда больше вопрос о закрытии Миссии не поднимался.

Заинтересованное отношение Сергея Александровича к русско-палестинским проблемам позволило в следующем году организовать в Петербурге Православное Палестинское Общество (под его председательством и покровительством). Пройдет несколько лет – и все русские учреждения в Святой Земле войдут в единую систему ИППО, с его земельными участками, школами и учительскими семинариями, больницей и амбулаториями, храмами и паломническими приютами, научно-издательскими и археологическими проектами. И, самое главное, Антонин, показывая августейшим паломникам 21 мая 1881 г. святыни Елеона, подсказал идею почтить память матери постройкой храма-памятника во имя ее небесной покровительницы равноапостольной Марии Магдалины. В качестве наиболее удачного места для постройки архимандрит указал верхнюю часть Гефсиманского сада на склоне Елеона. Осенью 1882 г., после долгих сложностей с покупкой, место было приобретено на имя генерального консула в Иерусалиме В.Ф. Кожевникова. Два года спустя рескриптом на имя архимандрита Антонина вел. кн. Сергей Александрович попросил его принять на себя главное руководство и наблюдение за постройкой церкви⁷⁹.

Закладка храма состоялась 21 января 1885 г. В закладной надписи было сказано: «Сей священный храм во имя святой равноапостольной Марии Магдалины заложен по воле благочестивейшего Государя Императора Александра Александровича и Августейших Его братьев великих князей Владимира, Алексея, Сергея и Павла Александровичей в память в Бозе почившей родительницы их благочестивейшей Государыни Императрицы Марии Александровны»⁸⁰. Храм был построен за три года. В его создании участвовала вся царская семья. Большую часть денег на строительство – 135 тыс. руб. – пожертвовал Александр III, по 15 тыс. руб. выделил каждый из четырех его братьев (Алексей, Владимир, Сергей, Павел), еще 5 тыс. руб. – их сестра Мария Александровна, герцогиня Эдинбургская. Представители придворной аристократии участвовали в украшении и обустройстве храма⁸¹.

Храм был освящен в праздник Покрова, 1 октября 1888 г. Для участия в торжествах вел. кн. Сергей Александрович предпринял свое второе паломничество в Святую Землю, на этот раз со своей супругой вел. кн. Елизаветой Федоровной и братом вел. кн. Павлом Александровичем.

Это был долгожданный визит. Еще 2 июля 1886 г. консул Д.Н. Бухаров писал секретарю Палестинского Общества М.П. Степанову: «К осени окончим все здание Гефсиманской церкви. Мы сделаем все возможное к приезду великого князя. Ради Бога, поддержите его намерение посетить Палестину. Это необходимо»⁸². Но поездка была отложена и в 1887 г.: «Для меня, – писал архимандрит Антонин, – уже то одно, что на

сколько бы не отсрочивалось освящение навеки славной и именитой Церкви Гефсиманской, она есть, состоялась, висится и красуется»⁸³.

Маршрут путешествия 1888 г. включал многие достопримечательности и святые места Восточного Средиземноморья. Помимо Константинополя, где августейшим паломникам был оказан самый почетный прием со стороны султана, они побывали в Смирне, Ефесе, Бейруте, Баальбеке, Дамаске, Хайфе, Назарете, Кане Галилейской, на горе Фавор. Не без юмора Сергей Александрович рассказывал: «Взбираться на Фавор ужасно трудно. На месте Преображения отслужили молебен и отдыхали в греческом монастыре. И меня забавляла мысль, что я – первый командир Преображенского полка, который вскарабкался на Фавор»⁸⁴. Осмотрели первые школы и больницы, построенные Палестинским Обществом. Как писала в письме к В.Н. Хитрово гр. О.Е. Путягина, «всеми учреждениями Общества остались довольны... Верится, что и впредь все это будет интересовать великого князя и великую княгиню, которую я старалась по возможности сблизить с нашим делом»⁸⁵.

29 сентября, в седьмом часу утра, крейсер «Кострома» бросил якорь у Яффы. Как сообщал официальный «Правительственный Вестник», «в предместьях Иерусалима толпы народа ожидали приезда Их Высочеств и бегом бросились сопровождать их экипаж; дома консульств были разукрашены флагами; две триумфальные арки были сооружены на пути следования, из коих одна против построек Палестинского Общества; улица, вдоль стен русских казенных построек, была красиво убрана флагами, гирляндами цветов и вензелями; на стенах теснились русские обыватели Святого Гроба и паломники; раздалось русское “ура” . Из храма Святой Троицы, находящегося посреди Русских Построек, доносился трезвон колоколов. У Яффских ворот Иерусалима стоял турецкий батальон с музыкою на правом фланге. Их Высочества оставили экипажи и ровно в 4 часа дня вступили в Святой Град, причем со стен башни царя Давида был сделан салют из орудий»⁸⁶.

Главные торжества происходили 1 октября непосредственно в храме Марии Магдалины. «По пути следования Их Высочеств, от дома русского консульства до церкви, стояли турецкие солдаты; конный конвой следовал за экипажем великих князей, а у ворот церковной ограды стоял почетный караул с музыкой, которая при приближении Их Высочеств заиграла русский гимн. По выходе из экипажа, у ворот Их Высочества направились пешком к церкви, при звоне колоколов вновь построенной церкви и русской церкви Вознесения, построенной о. Архимандритом Антонином на вершине Елеонской горы; на площадке, против храма, были выстроены матросы, в числе 90 человек, с клипера “Забияка” и крейсера “Кострома”, с офицерами на правом фланге. На той же площадке собрались приглашенные: губернатор Иерусалима Реуф-паша, комендант Иерусалима, греческий консул, русское консульство и слишком 150 человек русских паломников. Сергей Александрович поздоровался с командою, обошел фронт, и затем Их Высочества поднялись по лестнице в церковь, в дверях которой были встречены Блаженнейшим Никодимом с двумя архиереями и нашей Духовною Миссиею в облачении. Когда Их Высочества вступили в церковь, Патриарх поднял с аналоя св. мощи, после чего начался крестный ход кругом наружных стен храма... При положении св. мощей в ковчег, Патриарх троекратно провозгласил вечную память Императрице Марии Александровне; хор пропел *вечную память*, и все присутствовавшие опустились на колени. Минута была торжественная и в высшей степени трогательная»⁸⁷.

Распространено мнение, что Елизавета Федоровна высказывала желание быть погребенной в Гефсиманской. Вряд ли молодой принцессе Элле могло придти это в голову. Ее свекровь, императрица Мария Александровна, перед смертью высказывала такое пожелание. В зарубежной печати появились даже домыслы о попытке российского правительства добиться разрешения о погребении императрицы в Иерусалиме (с целью «завоевания Палестины») и о решительном отказе султана. «Этот надгробный памятник, – писал о церкви Марии Магдалины французский журнал “Святая Земля”, – должен будет некогда сохранять тело покойной императрицы Марии Александровны, которая, умирая, выразила горячее желание быть похороненной в этой “дорогой Свя-

той Земле»⁸⁸. Если великая княгиня и произнесла в Гефсимании подобные слова, то, очевидно, имела в виду именно вздох души императрицы Марии Александровны.

В Иерусалиме великие князья посетили строившиеся Сергиевское (освящено 20 октября 1889 г.) и Александровское (освящено в день тезоименитства Елизаветы Федоровны 5 сентября 1891 г.) подворья. В Яффе, утром 6 октября 1888 г., перед тем, как покинуть Святую Землю, они участвовали по просьбе Антонина в закладке на русском участке церкви во имя св. апостола Петра и праведной Тавифы (освящена 16 января 1894 г.).

Все участники иерусалимских архитектурно-строительных проектов получили императорские награды: Патриарх Никодим – бриллиантовый знак ордена Александра Невского, губернатор Реуф-паша – орден Св. Анны I степени, отец Антонин и строитель Сергиевского и Александровского подворий Д.Д. Смышляев – по ордену Св. Владимира II степени, архитектор Г. Франгья – орден Св. Анны II степени.

Как всегда, серьезных усилий потребовали политесы с Иерусалимской Патриархией. Практически каждое новое русское строительство, особенно возведение храмов, встречало отчаянное сопротивление греческого духовенства. Так было и с храмом св. Марии Магдалины, расположенным неподалеку от почитаемой греческой церкви Гробницы Божией Матери. Как писал архимандрит Антонин в письме к М.П. Степанову 26 июня 1887 г., «своею церковию в Гефсимании мы, по мнению местного духовенства, входим в открытую конкуренцию с ним, и волей-неволей будем действовать в подрыв Гробной церкви Божией Матери, отвлекая наших поклонников с их приношениями (а это и есть *cardo rei* (суть дела – *лат.* – *Р.Б.*)) от нее к себе». При личном общении Патриарха Иерусалимского Никодима с Сергием Александровичем была достигнута договоренность об определенном времени «русской службы, не мешающей таковой же греческой»⁸⁹. Более того, Патриарх согласился благословить раз в неделю совершение русского (церковнославянского) богослужения на Голгофе в храме Гроба Господня.

Особую роль паломничество 1888 г. сыграло для развития деятельности Палестинского Общества. За 1882–1888 гг. ППО успешно зарекомендовало себя в Святой Земле. Оно сумело стать независимой «третьей» силой, призванной устранить взаимотрения между МИД и Святейшим Синодом в Палестине. В Петербурге складывалось мнение, что «лучше и для единства действия, и даже для экономии, дело Палестинской комиссии, отвязав от Министерства, соединить с Палестинским Обществом, тем более, что оба учреждения имеют теперь одного председателя – великого князя»⁹⁰. 24 марта 1889 г. высочайшим указом Палестинская комиссия при Азиатском департаменте МИД была упразднена, ее функции, капиталы и имущества – в том числе подворья в Иерусалиме и другие российские недвижимости в Святой Земле были переданы Палестинскому Обществу.

Иерусалимские впечатления оказали сильнейшее влияние на решение Елизаветы Федоровны перейти в православие. Помощник вел. кн. Сергия Александровича М.П. Степанов в разговоре с епископом Арсением (Стадницким) вспоминал: «Когда она, войдя в Кувуклию и поклонившись Гробу Господню, спустя некоторое время вышла оттуда, то была вся в слезах. Присутствующий при этом турецкий паша, подойдя к Степанову, пожал ему руку и, указывая на слезы княгини, сказал: “Поздравляю”. “Он все понял”, – заключил Степанов»⁹¹. 13 апреля 1891 г. Елизавета Федоровна стала православной, а после убийства Сергия Александровича приняла на себя звание Председателя ИППО⁹².

Не все августейшие «хождения» были одинаково благотворны для Русской Палестины. Буквально через несколько месяцев после описанного паломничества Иерусалим посетил (в январе 1889 г.) вел. кн. Александр Михайлович, ни словом не обмолвившийся в своих «Воспоминаниях»⁹³ о посещении Иерусалима. В результате паломничество великого князя лишь упоминалось⁹⁴, но не было освещено в научной литературе. Между тем нам и тут может помочь дневник архимандрита Антонина, в котором достаточно подробно и интересно описывается весь визит.

Подчеркивая «приятное впечатление и от сей Высокой Личности»⁹⁵, Антонин не без удовольствия рассказывает о многочисленных знаках внимания, которые ему

оказывал великий князь. Так, например, в Хевроне, архимандрит «встретил высокого гостя у самого священного Дерева среди десятка авраамских кущей. Отдохнувши в одной из них, мы не замедлили направить стопы свои к приюту. Его Высочество с князем Путятиным вели меня по дороге к нему под руки. Сколько я ни отбивался от такой напрасной чести, ничто не помогло. Даже на лестницу в верхний этаж следовала та же процедура. ...Любезностям не было числа и меры»⁹⁶. Особое впечатление произвела на архимандрита щедрость Александра Михайловича, «ни кем неожиданная»: «Патриарху готовит бахшиш в 20 000 франков. Бетджальским нашим (в русскую школу. – Р.Б.) подарил 200 франков. Столько же дано в Омаровой мечети. Прелестно. Теперь, конечно, оделяет монастыри Иорданские»⁹⁷. На следующий день Антонину было передано «четыре свертка (очевидно, 4 тыс. франков. – Р.Б.) от имени великого князя»⁹⁸. «Великое умиление, и спешное изготовление скудных приношений в ответ на свертки, – отмечает он в дневнике. – На заявление моей всесердечной признательности щедрому даятелю, мне только отвечено было, чтобы не разглашать о случае. Совершенно по-евангельски»⁹⁹.

Дополнительные акценты позволяет расставить письмо Уполномоченному ППО в Иерусалиме Д.Д. Смышляеву от его заместителя Н.Г. Михайлова от 19 января 1889 г. Оно убедительно демонстрирует всю сложность и напряженность отношений, сохранявшихся между РДМ, ППО и консульством. Несмотря на то, что управлявший в то время консульством А.П. Беляев не считал нужным поставить в известность о визите великого князя ни о. Антонина, ни Михайлова, они заблаговременно «выпытали, что действительно в Иерусалим ожидается В[еликий] К[нязь] Александр Михайлович, возвращающийся из кругосветного плавания в Россию» и согласно установленному порядку выехали навстречу. «Стало совершенно ясно, что Беляев умышленно не дал знать мне о приезде великого князя, и, вообще, стараясь держать это в тайне даже от о. Антонина, условился только с Патриархом о встрече его». Во время всей поездки даже великому князю бросилось в глаза недружественное поведение консула, Александр Михайлович передал Михайлову крупную сумму денег (1 620 франков) и просил не говорить об этом консулу, «у которого слишком много дел». Завершающую точку как всегда удалось поставить Антонину: простившись со всеми, великий князь просил именно Антонина проводить его в Яффу¹⁰⁰.

Об установившихся добрых отношениях свидетельствует также рескрипт вел. кн. Александра Михайловича, полученный в Иерусалиме в следующем году: «Достоchtigий отец Антонин. Я давно уже получил присланную Вами статуетку Версикла, но до сих пор не собрался ответить Вам. Искренно и сердечно благодарю Вас за Ваш милый подарок и за Вашу память обо мне. Я всегда с удовольствием вспоминаю свою поездку в Палестину, доставившую мне возможность познакомиться с Вами. Надеюсь, если Бог позволит, снова увидеться с Вами в недалеком будущем»¹⁰¹. Этим планам не суждено было сбыться. Через четыре года скончался отец Антонин, да и великий князь не имел больше случая вернуться в Иерусалим. Лишь много лет спустя его дочь и зять отправятся по его стопам в Палестину.

В октябре 1890 г. в Святой Земле ждали наследника-цесаревича Николая Александровича – будущего императора Николая II, совершавшего почти кругосветное плавание на Дальний Восток. Но по рекомендации МИД посещение им Иерусалима было тогда отменено в связи с обострением церковно-политической ситуации в Османской империи. К визиту готовились: была подготовлена к освящению церковь в Русском Доме (будущее Александровское подворье), приезд наследника должен был существенно укрепить русские позиции на Ближнем Востоке.

В архиве РДМ в Иерусалиме мне посчастливилось найти письмо о. Антонина к цесаревичу Николаю Александровичу и ответное письмо состоявшего при наследнике кн. В. Барятинского. Мне показалось уместным поместить эти короткие письма в настоящей статье. «Самым дорогим заветным чаяниям старейшего из Русских учреждений в Палестине – Духовной Миссии, а с нею, конечно, и всей Святой Земли, не суждено было осуществиться, – писал Антонин. – Руководимые верой в божествен-

ное Провидение, мы нудимы, вопреки сердцу, признать, что была высшая необходимость в том. Во свидетельство же действительно обдержавших наше сердце чаяний и вседушевной готовности нашей встретить не оправдавшуюся радость жизни, мы усерднейше просим Ваше Высочество благоволить не отказать в милости – принять убогое приношение Духовной Миссии – изделие ее собственной фотографической лаборатории – Альбом (в двух экземплярах) видов некоторых местностей палестинских, ставших отселе русским достоянием и свидетельствующих на все пребудущие времена о ее ненапрасном существовании в Св. Земле, взамен неисполнившегося задушевного желания ее – иметь счастье лично показать будущему Венценосцу России все, достигнутое ее малыми усилиями в местах, столь дорогих всему христианскому миру, и столь близких Христианскому Отечеству нашему.

Первая попытка русских оседлых поселенцев в Палестине – наша женская колония в Горней, считающая в себе уже не один десяток боголюбивых отшельниц, глубоко сокрушается о несбывшейся мечте ее видеть в раеподобном убежище ее Августейших паломников, подносит от своего усердия Вашему Высочеству своедельную икону “Целования Богоматери” – тоже в двух экземплярах.

Осмелившийся же писать сии строки, молитвенно возводящий свои дряхлые руки ко Господу о благополучном странствовании Вашего Высочества, с своей стороны смиренно и всепреданно подносит Вашему богочестивому духу частицу мощей св. Великомученика и Победоносца Георгия, и свое последнее литературное произведение, моля дать ему место в последних рядах библиотеки Вашей. Второй экземпляр всех приношений да благоволит милостиво принять Его Императорское Высочество Государь Великий Князь Георгий Александрович»¹⁰².

В ответ кн. В. Барятинский по поручению Николая Александровича писал: «Государь Наследник Цесаревич, получив письмо Ваше от 14 ноября, поручает мне выразить Вам Свою признательность за выраженные Вами чувства.

Его Императорское Высочество глубоко сожалеет о том, что в этот раз Ему не удалось выполнить душевное свое желание лично посетить Святой Град и места столь дорогие всему христианскому миру и нашему Царскому Дому в особенности. Государь Наследник утешается мыслью, что Ему удастся в будущем посетить Иерусалим и поклониться Гробу Господню.

Его Императорскому Высочеству угодно было выразить свое согласие на принятие приношения Духовной Миссии в Иерусалиме и благодарить Вас. Как только получу Вашу посылку, не замедлю представить ее Его Высочеству»¹⁰³.

Императору Николаю II не суждено было совершить паломничество в Святую Землю. Почти на четверть века великокняжеские паломничества прекратились. Можно согласиться с распространенным мнением, что с 1890-х гг. внешнеполитические интересы России сместились с Ближнего Востока к Дальнему. Лишь в предгрозовой обстановке кануна Первой мировой войны особы императорского дома вновь посетили Иерусалим. С некоторой долей условности к ним можно отнести «полуавгустейшее» паломничество племянницы Николая II, княжны императорской крови Ирины Александровны, вместе с ее мужем кн. Феликсом Юсуповым (1914 г.). Это было их свадебное путешествие – в Париж, в Египет, на Пасху в Иерусалим, затем в Италию и Лондон. Разумеется, никаких дипломатических последствий от этой поездки ждать не приходилось¹⁰⁴.

Когда говорят о Русском Иерусалиме, его архитектурных памятниках, во многом до сих пор определяющих исторический облик Святого Града, не всегда отдают себе отчет, что это, в сущности, – Иерусалим романовский. И не только по эпохе и архитектурным стилям, но и по топонимии. Имена лучших представителей династии доньше звучат в названиях целого ряда замечательных памятников отечественной культуры и искусства. Так, например, первая русская церковь в Святой Земле – домовый храм РДМ в Иерусалиме – была освящена в 1864 г. во имя царицы-мученицы Александры – небесной покровительницы вел. кн. Александры Иосифовны. Памятником династической трагедии, горькой судьбы императрицы Марии Александровны, навсегда осталась

церковь Марии Магдалины в Гефсимании. Память о ней же хранит в своем названии Мариинское подворье. Имя ее сына, вел. кн. Сергия Александровича носит Сергиевское подворье, построенное Палестинским Обществом в 1886–1890 гг., имя его супруги Елизаветы Федоровны – Елизаветинское подворье. Построенный в память о вел. кн. Константине Николаевиче дом на русском Гефсиманском участке, близ храма Марии Магдалины, и сегодня называется «Домом Великого князя»¹⁰⁵. Церковь во имя святого Александра Невского над Порогом Судных Врат на Александровском подворье была освящена в 1896 г. в память почившего императора Александра III – создателя Императорского Православного Палестинского общества; Николаевское подворье, освященное 6 декабря 1906 г., носит имя последнего российского самодержца.

Этот романовский Иерусалим никогда не возник бы, не будь в истории тех «августейших» паломничеств, которым посвящена данная статья. Если визит принца Уэльского привел к созданию Британского фонда исследований Палестины (1865 г.), приезд прусского кронпринца – к учреждению Немецкого палестинского общества (1872 г.), а паломничество кайзера Вильгельма – к упрочению германско-турецкого союза и вовлечению в последующем Османской империи в Тройственный союз, то и паломничества русских великих князей не прошли бесследно. Не все они были одинаково значимы с точки зрения внешней политики и дипломатии, с точки зрения истории Церкви и русско-палестинских связей. Но каждое было уникально и составляло часть той планомерной трудной работы, из которой складывалось русское присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке.

Примечания

¹ Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 607–608.

² Преподобная Евфросиния Полоцкая. Минск, 1997. С. 56–57. См. также: Назаренко А.В. Указ. соч. С. 632–634.

³ Дмитриевский А.А. Два дня в молитве за царя и весь русский народ на Святой Руси и на Православном Востоке. (По поводу торжеств ИППО 21 и 22 мая 1907 г.) // Труды Киевской Духовной Академии. 1907. № 12. С. 507–553; *его же*. Державные защитники и покровители Святой Земли и августейшие паломники у Живоносного Гроба Господня // Сообщения ИППО. Т. XVIII. Вып. 1–4. С. 422–430; *его же*. Его Императорское Высочество великий князь Константин Константинович – поклонник Святой Земли. Некролог // Сообщения ИППО. 1915. Т. XXVI. Вып. 3–4. С. 408–416.

⁴ Скалон Д.А. Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году. Изд. 2. СПб., 1892. Репринт: М., 2008; Ситягин В.И. Путешествие великого князя Николая Николаевича по Турции, Сирии, Палестине и Египту в 1872 году. СПб., 1873.

⁵ Волков Е.Е. В поездке с Сергием Александровичем // Огонек. 1913. № 25. С. 1–2.

⁶ Россия в Святой Земле: Док-ты и мат-лы. Т. I. М., 2000. С. 128–182.

⁷ Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке. М., 2006.

⁸ Бутова Р.Б. «Жаль мне до смерти всего прошедшего». (Страницы из Дневника архимандрита Антонина (Капустина)) // Россия в Святой Земле... Т. II. М., 2000. С. 544–588; Пребывание великих князей Сергия Александровича, Павла Александровича и великой княгини Елизаветы Федоровны в Иерусалиме в 1888 году. Из дневника архимандрита Антонина за 28 сентября–6 октября // Строительство церкви Марии Магдалины на Елеонской горе в Иерусалиме в фотографиях из альбома Русской Духовной Миссии в Иерусалиме 1885–1888. М., 2006. С. 112–119; Бутова Р.Б. Дневник архимандрита Антонина (Капустина) как исторический источник // Родное и вселенское. М., 2006. С. 58–81.

⁹ Отблеск Нетварного Света. Материалы VI юбилейных Свято-Елизаветинских чтений, посвященных 140-й годовщине со дня рождения великой княгини преподобномученицы Елисаветы Федоровны. М., 2005.

¹⁰ Россия в Святой Земле... Т. I. С. 214–215.

¹¹ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. III. СПб., 1896. С. 449–450.

¹² Там же. Т. VII. СПб., 1901. С. 73.

¹³ Stanley Arthur Penrhyn. Sermons preached before His Royal Highness the Prince of Wales, during his tour in the East in the spring of 1862: with notices of some of the localities visited. L., 1863.

¹⁴ Император Франц-Иосиф был в Палестине с 12 по 16 ноября 1869 г. Hummel R. Imperial Pilgrim: Franz Jozeph's Journey to the Holy Land in 1869 // Wrba M. (Hg.). Austrian Presence in the Holy Land in the XIXth and early XX Century. Proceedings of the Symposium in the Austrian Hospice in Jerusalem on March 1–2, 1995. Tel Aviv, 1996. P. 158–178.

¹⁵ Roth E. Preußens Gloria im Heiligen Land. Die Deutschen und Jerusalem. München. 1974. S. 105–115.

¹⁶ О пребывании императора см.: Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима // Церковный вестник. СПб., 1876. № 51. С. 4–6.

¹⁷ Importanza nel del viaggio dell'Arciduca Rodolfo // Annali Francescani. A. XII. 1881. Vol. XII. P. 276; Rudolf von Österreich, Kronprinz. Zu Tempeln und Pyramiden – Meine Orientreise 1881. Впервые опубликованная в 1881 г., а затем более подробно в 1884 г., работа много раз переиздавалась. См. напр.: Darmstadt. 2005; Eliav M. Österreich und das Heilige Land. Ausgewählte Konsulatsdocumente aus Jerusalem, 1849–1917. Wien, 2000. S. 71, 268.

¹⁸ Il Principe di Napoli in Terra Santa // La Terra Santa. A. XI. 1887. P. 73–74, 81–82. См. также: Schiaparelli E. Gli interessi Italiani in Oriente // La Rassegna Nazionale. A. 1888. V. 41. P. 137–158.

¹⁹ Roth E. Op. cit. S. 153–242.

²⁰ Никонова А. Немецкие празднества в Иерусалиме // Сообщения ИППО. 1910. Т. XXI. Вып. 3. С. 409–423.

²¹ Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. 1882–1907. М., СПб., 2008. С. 76.

²² Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. III. С. 214–215.

²³ Попов А.Н. Сношения России с Римом с 1845 по 1850 год // Журнал Министерства народного просвещения. 1870. Январь. Ч. CXLVII. С. 49–72; Полиевктов М.А. Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918. С. 145.

²⁴ О существовании подобного замысла, хотя и без каких-либо подробностей, вспоминал много лет спустя известный дипломат и государственный деятель гр. Н.П. Игнатьев. См. письмо помощника Председателя ИППО генерала М.П. Степанова гр. Н.Ф. Гейдену от 24 мая 1910 г. (АВП РИ, ф. Посольство в Константинополе, оп. 517/2, д. 7683, л. 27–32 об.).

²⁵ Подр. см.: Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие... С. 271–277; Герд Л.А. Константинополь и Петербург. Церковная политика России на Православном Востоке (1878–1898). М., 2006. С. 360–395.

²⁶ Якушев М.И. Иерусалимский Патриархат и святыни Палестины в фокусе внешней политики Российской империи накануне Крымской войны // Православный Палестинский сборник. Вып. 100. М., 2003. С. 245–287; Казарин В. Битва за Ясли Господни // Православная беседа. 2005. № 3. С. 36–41; Мельникова Л.В. Святые места в центре Восточного вопроса: церковно-политический фактор как одна из причин Крымской войны // Отечественная история. 2008. № 6. С. 61–75.

²⁷ Цит. по: Попов А.Н. Указ. соч. С. 66.

²⁸ Там же. С. 72.

²⁹ Тютчев Ф.И. Россия и Запад. М., 2007. С. 77.

³⁰ Материалы для биографии епископа Порфирия (Успенского). Т. II. Переписка. СПб., 1910. С. 281.

³¹ «Палкан» (иногда писалось «Полкан») – первый на русском военно-морском флоте винтовой паровой фрегат. Спущен на воду 21 мая 1853 г. В период Крымской войны участвовал в обороне Кронштадта против англо-французского флота. 8 октября 1856 г. вышел из Кронштадта в Средиземное море в составе эскадры контр-адмирала Е.А. Беренса вместе с линейным кораблем «Выборг», фрегатом «Кастор» и бригом «Филоктет». Был направлен в распоряжение русского посла в Греции. Вернулся в Кронштадт в июле 1859 г.

³² Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. 1857–1861. М., 1994. С. 96–97.

³³ Там же. С. 97.

³⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1859. № 180. Здесь подробно день за днем описывается пребывание в Иерусалиме вел. кн. Константина Николаевича и его супруги.

³⁵ Александра Иосифовна, вел. кн. Письма с Востока (ОР РНБ, ф. 531 (А.С. Норова), оп. 1, д. 164, л. 1 об.–10 об.).

- ³⁶ Дом, построенный в Старом городе незадолго до Крымской войны специально для РДМ по проекту архимандрита Порфирия (Успенского) на деньги Греческой Патриархии.
- ³⁷ Россия в Святой Земле... Т. I. С. 133–135.
- ³⁸ *Александра Иосифовна, вел. кн. Письма с Востока.*
- ³⁹ Россия в Святой Земле... Т. I. С. 133–135.
- ⁴⁰ Гобат Самуил, епископ Англиканской Церкви в Иерусалиме (1845–1879).
- ⁴¹ Валерга Иосиф (Джузеппе) (1813–1872) – латинский Иерусалимский Патриарх, выдающийся католический миссионер на Ближнем Востоке. Владел латинским, греческим, арабским, еврейским, турецким и курдским языками. В 1847 г., когда папа Пий IX восстановил не существовавшую со времен крестоносцев Иерусалимскую патриаршую кафедру, первым Патриархом был назначен Валерга. За 25 лет его патриаршества влияние Рима в Святой Земле чрезвычайно усилилось, было открыто несколько католических школ и семинарий, тысячи православных арабов были обращены в католичество.
- ⁴² *Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие... С. 109.*
- ⁴³ *Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. С. 108–109.*
- ⁴⁴ Переписка императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. С. 133, 134.
- ⁴⁵ См. подр.: *Лисовой Н.Н., Бутова Р.Б. Порог Судных Врат: к 125-летию открытия // Православный паломник. 2008. № 3. С. 66–71.*
- ⁴⁶ Переписка императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. С. 96.
- ⁴⁷ Доргобужинов В.И. – первый русский консул в Иерусалиме (1858–1861), состоявший одновременно агентом РОПИТ.
- ⁴⁸ *Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. С. 111.*
- ⁴⁹ *Смирнова И.Ю. Митрополит Филарет (Дроздов) и Православный Восток // Родное и вселенское. С. 306–329.*
- ⁵⁰ См. переписку секретаря императрицы Марии Александровны Морица с начальниками РДМ епископом Кириллом (Наумовым), архимандритом Леонидом (Кавелиным), архимандритом Антонином (Капустиним). (Архив Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (далее – АРДМ), д. 461.)
- ⁵¹ На Царские врата было пожертвовано 6 тыс. руб. Прежде чем попасть в Иерусалим, врата побывали на Всемирной парижской выставке 1867 г., где получили серебряную медаль, и на Международной выставке в Петербурге 1870 г. См.: *Дмитриевский А.А. Памяти Великой Княгини Александры Иосифовны // Сообщения ИППО. 1912. Т. XXIII. Вып. 2. С. 186.*
- ⁵² См. переписку о несостоявшейся постройке Вифсаурского храма. (АВП РИ, ф. Посольство в Константинополе, оп. 517/2, д. 7663, л. 1–8 об.).
- ⁵³ *Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. С. 214–215.*
- ⁵⁴ Россия в Святой Земле... Т. I. С. 125.
- ⁵⁵ *Хитрово В.Н. Неделя в Палестине. Из путевых воспоминаний. Изд. 2. СПб., 1879. С. 60–61.*
- ⁵⁶ *Лисовой Н.Н. Русская Церковь и Патриархаты Востока. (Три церковно-политические утопии XX в.) // Религии мира. История и современность. 2002. М., 2002. С. 143–219.*
- ⁵⁷ Россия в Святой Земле... Т. I. С. 137.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же. С. 138.
- ⁶⁰ Кожевников В.Ф. – русский консул (1867–1876) и генеральный консул (1879–1885) в Иерусалиме.
- ⁶¹ ОР РНБ, ф. 253 (А.А. Дмитриевский), оп. 1, д. 174, л. 66.
- ⁶² Россия в Святой Земле... Т. I. С. 141.
- ⁶³ Там же. С. 141–142.
- ⁶⁴ Чит. по: Россия в Святой Земле... Т. I. С. 213.
- ⁶⁵ *Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима // Церковная летопись «Духовной беседы». 1871. № 38. С. 264.*
- ⁶⁶ *Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. С. 146–147.*
- ⁶⁷ Россия в Святой Земле... Т. I. С. 145.

⁶⁸ Архимандрит Антонин использовал в качестве подножия престола найденную при строительстве капитель колонны – реликвию времен императора Константина Великого.

⁶⁹ Освящение Троицкого собора. Из дневника архимандрита Антонина // Сообщения ИППО. 1901. Т. XII. Вып. 1. С. 73–75.

⁷⁰ ОР РНБ, ф. 253, оп. 1, д. 174, л. 73 об.

⁷¹ Там же, л. 74.

⁷² Там же, л. 342–342 об.

⁷³ Письмо П.П. Мельникова к архимандриту Антонину от 16 марта 1871 г. (Там же, л. 349 об.).

⁷⁴ *Дмитриевский А.А.* Бет-Джалльская женская учительская семинария и посещение ее Блаженнейшим Патриархом Иерусалимским Дамианом // Сообщения ИППО. 1911. Т. XXII. Вып. 1. С. 65–73.

⁷⁵ *Антонин (Капустин), архимандрит.* Из Иерусалима // Церковный вестник. 1881. № 28. С. 4–6.

⁷⁶ Там же. С. 6.

⁷⁷ Россия в Святой Земле... Т. I. С. 147–160.

⁷⁸ *Дмитриевский А.А.* Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. С. 194.

⁷⁹ АВП РИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 492, л. 6.

⁸⁰ Россия в Святой Земле... Т. I. С. 412.

⁸¹ *Лисовой Н.Н.* Гефсиманский во имя Марии Магдалины монастырь // Православная энциклопедия. Т. XI. М., 2005. С. 436–438.

⁸² Россия в Святой Земле... Т. I. С. 420.

⁸³ Там же. С. 436.

⁸⁴ Письмо вел. кн. Сергея Александровича цесаревичу Николаю Александровичу от 6 октября 1888 г. // Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009. С. 109–110.

⁸⁵ АВП РИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 292, л. 184–187 об.

⁸⁶ Правительственный вестник. СПб., 27 октября 1888 г. Цит. по: Россия в Святой Земле... Т. I. С. 161.

⁸⁷ Там же. С. 163.

⁸⁸ Terre Sainte. 1892. № 11. Цит. по: Русские в Палестине по латинским отзывам // Сообщения ИППО. 1892. Т. 3. Вып. 3. С. 299–304.

⁸⁹ АРДМ, д. 178.

⁹⁰ См.: http://www.hrono.info/libris/lib_p/pobed1888.html

⁹¹ *Арсений (Стадицкий), митрополит.* Дневник. Т. 1: 1880–1901. М., 2006. С. 354.

⁹² Николай II начертал на докладе о назначении Елизаветы Федоровны Председателем ИППО резолюцию: «Вполне согласен». «Лучшего Общества не могло бы и желать, – сказал он при этом. – Очень хорошо, что великая княгиня согласилась поддержать прекрасное Общество, которое с такою заботливостью основал и берег великий князь» (*Дмитриевский А.А.* Н.М. Аничков. Пг., 1917. С. 76).

⁹³ *Александр Михайлович, вел. кн.* Воспоминания. Париж, 1933. Репринт: М., 1991.

⁹⁴ *Дмитриевский А.А.* Державные защитники и покровители Святой Земли и августейшие паломники у Живоносного Гроба Господня // Сообщения ИППО. Т. XVIII. Вып. 1–4. С. 422–430.

⁹⁵ ОР РНБ, ф. 253, оп. 1, д. 174, л. 97 об.

⁹⁶ Там же, л. 100 об.

⁹⁷ Там же, л. 102 об.

⁹⁸ Там же, л. 103.

⁹⁹ Там же, л. 103 об.

¹⁰⁰ Письмо Н.Г. Михайлова Д.Д. Смышляеву от 19 января 1889 г. (АВП РИ, ф. РИППО, д. 572).

¹⁰¹ Рескрипт вел. кн. Александра Михайловича на имя архимандрита Антонина. СПб., 23 мая 1890 г. (АРДМ, п. 69, д. 1442, л. 1).

¹⁰² Письмо начальника РДМ в Иерусалиме архимандрита Антонина к наследнику-цесаревичу вел. кн. Николаю Александровичу. Иерусалим, 14 ноября 1890 г. (Там же. Подчеркивания в тексте принадлежат автору письма.)

¹⁰³ Письмо генерал-майора кн. В. Бяратинского, состоящего при наследнике-цесаревиче вел. кн. Николае Александровиче, к архимандриту Антонину. Красное море, 30 ноября 1890 г. (Там же).

¹⁰⁴ Юсупов Ф. Ф. Мемуары. М., 2008.

¹⁰⁵ Первоначально планировалось посвятить дом памяти вел. кн. Александры Георгиевны, рано умершей жены вел. кн. Павла Александровича (ум. в октябре 1891 г.). После смерти, 13 января 1892 г., вел. кн. Константина Николаевича дом решено было посвятить и его памяти, тем более что Александра Георгиевна приходилась ему внучкой (она была дочерью «Королевы Эллинов» Ольги Константиновны).

© 2010 г. Т. В. ПАНКРАТ*

ПРИХОДСКИЕ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ (1864–1917)

Церковь не могла остаться в стороне от тех изменений, которые происходили в России в результате Великих реформ 1860–1870-х гг. Одной из новых форм общественного самоуправления, возникших в пореформенный период, стали приходские попечительства, на которые возлагалась забота о материальном обеспечении священнослужителей и благосостоянии церкви, а также организация благотворительности и обеспечение социальной защиты в пределах прихода. Их появление свидетельствовало о стремлении власти опереться на институты гражданского общества при разрешении тех социальных и экономических задач, с которыми десятилетиями не удавалось справиться ни государственным учреждениям, ни церковной иерархии.

Работы, освещающие деятельность приходских попечительств, носят в основном обзорный и фрагментарный характер. В ряде исследований представлена обобщающая картина их развития в масштабах всей империи¹. Тем не менее большинство современных историков, обращающихся к данной теме, вынуждено опираться на неточные и зачастую вторичные сведения, почерпнутые из публицистики начала XX в.², или же и вовсе ограничивается изложением основных законодательных норм³. Нет и специальных исследований, посвященных приходским попечительствам Москвы (до сих пор не установлена даже их численность), хотя именно здесь они действовали наиболее активно. Отчеты приходских попечительств используются, как правило, выборочно и лишь в иллюстративных целях. Между тем их анализ, а также изучение делопроизводства Московской духовной консистории и сведений, содержащихся в периодических изданиях и статистических сборниках, позволяют достаточно полно реконструировать специфику развития и особенности внутренней организации приходских попечительств первопрестольной.

«Положение», определявшее компетенцию и характер деятельности приходских попечительств, разрабатывалось Особым по делам православного духовенства присутствием, учрежденным 28 июня 1862 г. Основная задача Присутствия состояла в поиске новых способов материального обеспечения приходского духовенства (на счет местных средств). Для этого его члены, опиравшиеся на пример церковных братств Южной и Западной Руси XVI–XVII вв., считали необходимым учреждение самостоятельных приходских организаций⁴. Поскольку благотворительность являлась неотъемлемой частью деятельности братств, то и попечительства, по мысли членов Особого присутствия, обязательно должны были заботиться о нуждающихся. Кроме того, учитывался и опыт, имевшийся уже в Москве. Еще в начале 1860-х гг. при церквях Казанской у Калужских ворот (1862), Ризоположенской близ Донского монастыря (1862), Воскре-

---

* Панкрат Татьяна Владимировна, аспирантка исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.